

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ:

ПРОДАТЬ СЕБЯ -
ТАЛАНТ ОСОБЫЙ...

Труж - 1999 - 13 апр. - с. 4

Новая книга Андрея Кончаловского «Возвышающий обман» стала бестселлером: книгу читают все. От интеллектуальной элиты до любителей детективов и любовных романов в мягкой обложке. Всем вдруг оказалось интересно путешествовать с автором по его судьбе...

- Считаете ли вы себя писателем после выхода третьей книги? Или это только хороший рекламный трюк?

- Нет, я не писатель. Честно говоря, вообще удивлен, что мою книгу так читают. Писалась она без усилий, легко. Двадцать лет назад вместе с доктором искусствоведения Александром Липковым (ему принадлежит литературная за-

шлое. Простите... Что было, то было.

- Писателем вы себя не считаете. Между тем написали много сценариев не только для себя, но и для других режиссеров. Вот участвовали в создании сценария народного фильма «Белое солнце пустыни»...

- К «Белому солнцу» я примазался. Начал работать, а потом сбежал. Мы писали в Крыму, мне хотелось купаться, пить вино, ухаживать за девушками. И я спрыгнул, сказав: «Ребята, пишите без меня!»

Писать сценарий и книгу - разные вещи. В институте нас учили, что каждый режиссер - сценарист, надо как бы изначально видеть будущий фильм. Но это все же не литература.

сер. Рискнули - результат известен всем.

Кстати, спасибо, что вы не задаете мне вопрос по поводу сорокапятимиллионного «Сибирского цирюльника». То, что мы с Никитой Сергеевичем братья, совсем не означает, что нас надо все время сравнивать.

- Но если не о «Цирюльнике», тогда о второй популярной идее: каким, по-вашему, Никита Михалков может стать президентом?

- Трудно сказать... Будущему нашему президенту, кто бы им ни стал, придется очень тяжело. Он будет вынужден делать непопулярные шаги, вынужден будет не нравиться. Бремя колоссальное! А Никита Сергее-

ром. И из этих объятий никому не выскользнуть.

Это необратимый процесс. Коммерциализация масс-медиа неизбежна. Нелепо говорить в связи с этим, что «деньги - зло». Так уж устроен современный мир. Все ведет к идентификации стилей и направлений в искусстве.

Противостоять этому все труднее. Масс-медиа - все родом из Америки, которая всячески поддерживает их глобализацию. В этом смысле американцам очень легко утверждать идеи во всем мире. Они хорошо оплачивают труд кинематографистов, людей обычно высокопрофессиональных. Согласитесь: даже если вам американская картина не сообщит

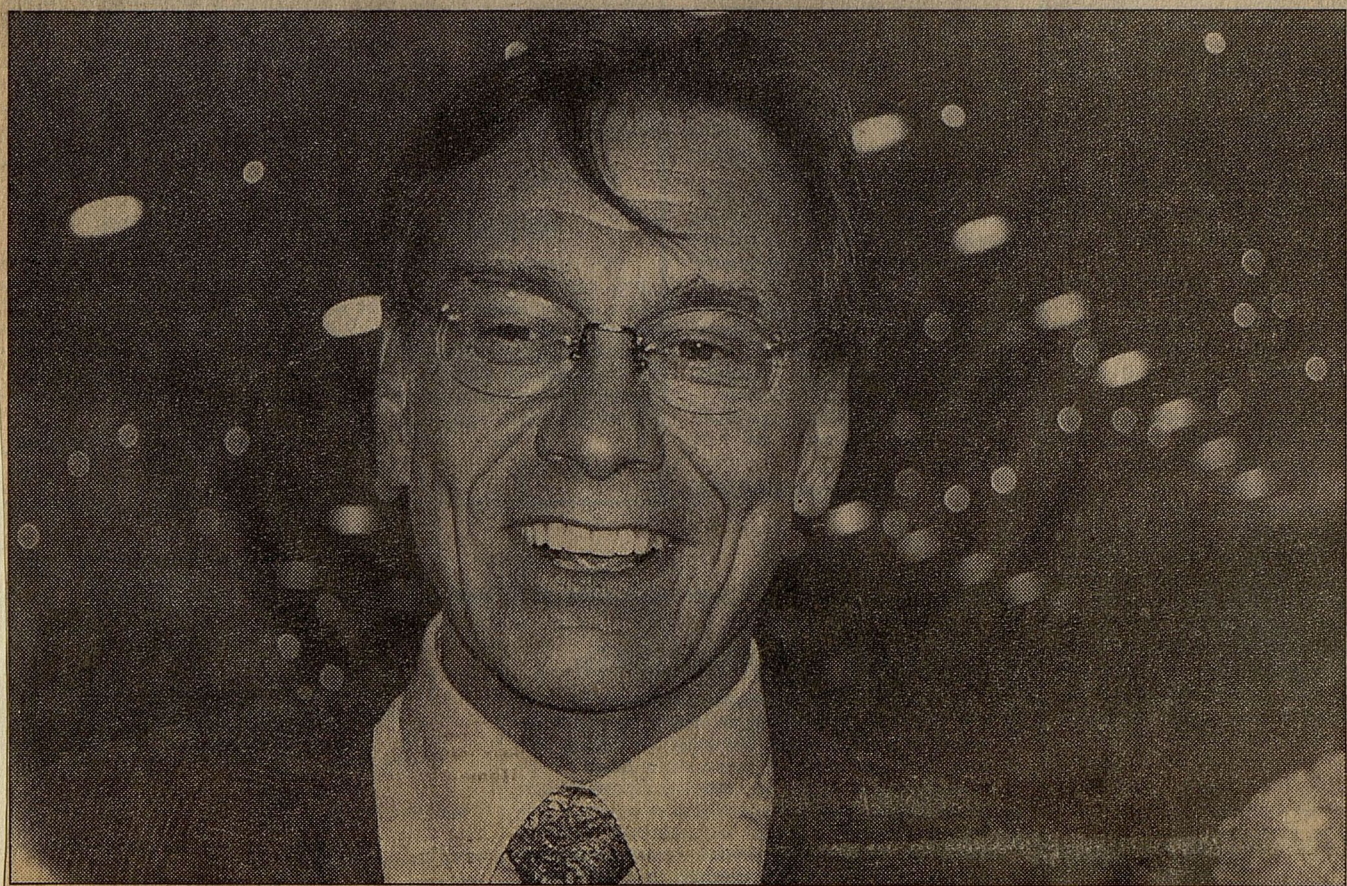

Фото А. ПРАЧЕВА

пись) мы написали книгу «Парабола замысла». Она тогда тоже очень быстро разошлась. Шло время. Я прочел книги Бергмана и Питера Брука, великих режиссеров и действительно настоящих писателей. Меня поразила та смелость, с какой они говорят о себе, о своих успехах и ошибках. Их исповеди воодушевляли. Я это потом сам испытал: откровенность дается непросто, но потому она захватывает, становится притягательной.

Началась книга как сборник записей. В течение многих лет они собирались Александром Липковым. Я приезжал в Москву, мы встречались, он записывал мои впечатления и размышления. И так, страшно сказать, прошло восемнадцать лет. Начали складывать разрозненные страницы - ничего не соединяется. Все разваливалось! Получилось семьсот страниц странного текста. Ужасного, должен признаться. Одно дело - когда ты складно говоришь, совершенно другое - когда пишешь то же самое.

Я стал править записанное. Липков склеивал. Пришлось дописывать на стыках, соединять куски. Вот в этот момент - дописывания - наверное, и сложилась книга. Помните, Достоевский говорил: главное - это найти тон.

- Как бы вы его определили, этот тон?

- Когда любишь человека, то разговаривать с ним гораздо легче, чем с тем, кто тебе чужд. Ты доверяешь человеку - пускаешь его к себе не только в прихожую, но и в гостиную, и даже в спальню. Есть и определенный барьер в моей книге. Но в принципе - это откровенный разговор с близкими друзьями.

- Насчет спальни... Вас много упрекают именно в такой откровенности. Известные актрисы, очаровательные женщины, давно живущие своей жизнью, в книге чередой проходят через вашу спальню...

- Я никогда никому не обещал ничего не рассказывать о том, что было между нами. При этом, поверьте, для меня существует определенная граница в откровенности. Если бы я написал все!.. Всегда я никогда не даю себе право мне надо было бы идти прямо в сумасшедший дом.

Не вижу причин для острой обиды со стороны тех, о ком писал... Я благодарен им за

- Вы не пытаетесь перевести свои книги на английский?

- Не думаю, что мои книги на английском кто-нибудь станет читать. Я не та персона, которая привлекает к себе всеобщее внимание на Западе. Там у меня не случилось каких-то особенных скандалов, я не получал «Оскаров». В общем, на сегодняшний день я не товар. А в России я личность, ко мне остался интерес.

- Вы пишете, что на вас повлияло творчество Курасава, Феллини. Но обходите вниманием режиссуру 80-х - 90-х (кроме Квентина Тарантино).

- Я очень мало сейчас смотрю картин. Давно уже. Мне это просто малоинтересно. Большая часть такая ерунда! Чаше я пересматриваю повлиявшие на меня фильмы, они мне гораздо интереснее. Может, дело в возрасте? Смотришь Курасава, Бергмана, Феллини, возвращаешься к ним... Тарантино меня потряс «Бешеными псами».

- Но Тарантино - это уже новая волна в мировом кино.

- Не знаю, что подразумевается под новой волной. Сегодняшний кинематограф в таком состоянии, что непонятно, о чем он вообще говорит с людьми? Особенно это относится к российскому кино.

Что касается Запада, порой там появляются независимые режиссеры. Кто-то снимает за небольшие деньги очень хороший фильм. Потом получает на следующий проект много денег и снимает ерунду. Чем больше денег, тем посредственнее картина. Самые интересные делаюся за крохи, потому что тогда на режиссере лежит колоссальная ответственность.

- Но вы же сами предпочитаете крупнобюджетные ленты! Например, фильм о Рахманинове. Или экранизацию романа Андре Мальеро «Королевский путь».

- Это действительно дорогостоящие проекты. Мне не хватило денег ни на одну, ни на другую картину. Хотя, надеюсь, еще сниму их...

Я убедился, что хорошие сценарии по несколько лет лежат без движения. Например, знаменитый оскароносный «Полет над гнездом кукушки» обошел все голливудские студии - и не раз. Прошли годы, пока наконец не появился Майкл Даглас - как продюсер и Милош Форман - как режис-

сёр. Что ж, если он освободится от некоторых своих идеалистических представлений о России, может быть, он и станет хорошим президентом...

- Всеобщее обнищание - просто национальное бедствие. В том числе и в театре, в кинематографе. Есть ли выход?

- Кинематограф - очень дорогое занятие. Чтобы написать роман, достаточно карандаша и бумаги. А вот кино...

Из российских предпринимателей быстро выветрилось обаяние съемочной площадки, что нетрудно понять: глупо вкладывать деньги в заведомо проигрышный бизнес. А такой он прежде всего по одной причине: у нас нет системы продажи билетов, то есть возврата истраченных денег! Если бы в Америке, в западном мире, такой системы не существовало, не было бы никакого Голливуда! Система дистрибуции - это когда не воруют билеты в кинотеатре, когда все они учтены и продаются по установленным ценам... Когда все считает компьютер. На Западе человека, продающего билеты без компьютера, лишают лицензии.

Что такое государство? Структура, которая ограничивает человеческую жадность. У нас государство добренькое, а точнее, никакое. Поэтому деньги из кино, причем большие деньги, уходят в другие карманы. Говорят: не продаются билеты, никто не ходит, залы пустые... Ставят на билетах ложную цену... В таких условиях нормальный кинорынок нереален. Как сказал писатель Борис Васильев, деньги можно зарабатывать, можно отнимать, можно кланчить. У нас в ходу, к сожалению, два последних способа. Вот и судите сами о перспективах...

- А чем вы объясняете, что увяли французский и итальянский кинематограф? Нет сегодня звезд, равных Синьоре, Габену, Жерару Филипу, Марчелло Мاستроянни, Джульетте Мазине...

- Это другая природа. В 50-60-е годы масс-медиа еще не объединились в гигантские конгломераты. Все существовало как бы отдельно. Футбол - так футбол. Баскетбол - так баскетбол. Кино - так кино...

Сейчас вмешательство капитала в масс-медиа очень заметно. Все переменялось. Коммерческие гиганты торгуют матчами, занимаются шоу-бизнесом, кинематографом, теат-

ничего нового, вы все равно будете ее смотреть, вы не заснете посреди фильма.

Это, кстати, важный момент. Кино - не университет, не академия. Кино - это развлечение. Когда-то я думал, что режиссер - это пророк, мессия. Давно уже так не думаю. Кино не спасет человечество. Это стало особенно ясно после второй мировой войны, после Аушвица и Дахау.

- Одно из самых часто встречающихся слов в вашей книге - талант. Но это понятие ведь не отмирает, несмотря на все успехи массовой культуры?

- Когда-то нас учили одной очень популярной мысли, пришедшей к нам, кстати, с Запада. Талантливый человек должен быть нищим, ходить в рубище, голодать, его тело и душа должны быть покрыты язвами. Удел таланта - страдать, бороться за святое дело. Байрон погиб за свободу Греции. Гоген бежал на Таити и там стал гением. Рембо уехал в Африку...

- ...где перестал вообще писать!

- Тем не менее считалось, что только так можно стать гением и героем. На самом деле это чисто снобистская теория. Лев Николаевич Толстой, Иван Сергеевич Тургенев, Михаил Юрьевич Лермонтов были далеко не бедными людьми и не жили на гонорары от своих произведений, что им нисколько, как известно, не помешало. Нет, талант ни в коей мере не связан с нищетой и безденежьем.

Мне кажется, талант - это способность найти свое место в жизни. Чехов замечательно писал: умение хорошо нарисовать лошадь не лучше умения хорошо шить сапоги. Гениальная мысль!

Но вот чему нас не учили - так это умению продать свой талант.

- Раньше за такую фразу вас подвергли бы жесточайшему ostrakизму!

- Но это так. Я приехал в Голливуд и думал, что все на меня накинута с предложениями работать. Да кому я был нужен! Надо уметь продать себя - а я этого не умел. Это особая профессия, особый дар - продать свой талант. Хорошо, если вы этим даром обладаете...

Беседа вел
Эльга ЛЫДИНА.